

© 2003 г. С. ПАТРИ

НАМЪ: НОВАЯ СЛАВЯНО-ИРАНСКАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИЗОГЛОССА**1. ВВЕДЕНИЕ**

Оценка диалектного положения древненовгородского среди других славянских языков и диалектов основывается прежде всего на описании лингвистических, т. е. фонологических, грамматических и лексических, черт языка берестяных грамот. Хотя в наших знаниях об этих особенностях сохраняются лакуны, значительный прогресс, достигнутый в последнее время в расшифровке берестяных документов, особенно в результате трудов А.А. Зализняка, позволил ввести в научный оборот ряд данных, свидетельствующих об архаизмах, которые до сих пор не наблюдались ни в одном из славянских языков. Наличие в древненовгородском ряда признаков, возводимых к древнейшему периоду развития праславянского, сопровождается серией специфических инноваций, не разделяемых другими языками. На современном уровне знаний свидетельствами праисторических диалектных расхождений можно признать, в частности, следующие данные: а) неосуществление второй палатализации [Głuskińska 1966, Зализняк 1995: 37–38], б) возникновение именительного падежа мужского рода на *-e* [Зализняк 1988, Крысько 1993; Vermeer 1994; Patri (в печати–1)], а также, как мы полагаем, в) палатализацию **m* [Patri (в печати–2)]. Эти факты относятся как к формальной, так и к функциональной сфере, и проблемы, которые в этой связи возникают, каким бы образом их ни решать, относятся к грамматике. Целью настоящего исследования является введение в научный оборот новых данных – на сей раз лексического порядка, касающихся одного соответствия между древненовгородским и иранскими языками и представляющих интерес как с точки зрения лексической семантики, так и с точки зрения индоевропейской и славянской диалектологии. Объектом нашего исследования является существительное *намъ*.

2. ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОЕ НАМЪ ‘ПРОЦЕНТ, ЛИХВА’

Первые фиксации слова *намъ* в берестяных грамотах были, естественно, идентифицированы с дательным падежом местоимения *мы*. Однако накопление данных довольно быстро привело к тому, что это толкование стало невозможным применять ко всем случаям. Стало ясно, что наряду с местоименной формой *намъ* необходимо выделять также существительное *намъ*, значение которого, однако, оставалось неясным. В 1984 г., когда анализируемое существительное уже было засвидетельствовано в семи берестяных грамотах, А.А. Зализняку удалось установить его значение благодаря одной глоссе XII в., которая до той поры не принималась во внимание. Эта глосса обнаруживается в собрании различных вопросов христианской тематики, адресованных небольшой группой священников Нифонту, епископу Новгородскому (1130–1156), – так называемом “Вопрошании Кирика”. Среди вопросов, касающихся окормления паствы в торговом центре, каковым был Новгород, вопрос о том, при каких условиях занятие христиан ростовщицеством является законным и чем это занятие должно быть ограничено, выглядит вполне естественным. Вот что ответил на этот вопрос, поставленный Кириком, новгородский епископ.

- (1) *А намъ дѣля, рекше лихвы, тако велше учить аже поа то рци кмоу не достоитъ ти слоужити, аще того не останеши, а уже простьца, то рци кмоу не достоитъ ти имати і намъ* (цит с изменениями по [Зализняк 1986 165])

Процитированный пассаж не оставляет никакого сомнения относительно значения слова *намъ* этот термин означает ростовщический процент Указанное значение идеальным образом соответствует употреблению существительного *намъ* в берестяных грамотах, и последующие находки только подтвердили это толкование [Зализняк 1986 165–166]¹

В берестяных грамотах процент чаще всего выражен в определенной сумме денег (обозначенной существительными *гривна, ногата, куна*), как особенно в списках займодавцев, где рядом с именем должника в некоторых случаях уточняется размер долга

- (2) | | *на нѣгорадѣ 3 кунѣ и гр(и)вна съ нами* (НГБ № 526, вт треть XI в)

В двух случаях *намъ* фигурирует в значении ‘арендная плата, комиссионные’

- (3) | | *а лодку даи павлу соболецеву изо нама* (НГБ № 124, XIV/XV в)
(4) | | *нама ти хотѣ ти по 8 куну и по мородоки* (НГБ № 124, XIV/XV в)

Наиболее развернутые контексты показывают, что *намъ* может эксплицитно сочетаться с глаголом *платити* и производными

- (5) | | *а лоньскихо намо недоплатило 8 ногато* (НГБ № 218а, 60–70-е гг XIII в)

Однако чаще всего этот термин выступает, разумеется, в сочетании с глаголами *възяти* и *дати*

- (6) | | *оу воислава възьми* | | *5 коунъ намомъ не въдале дѣвоихъ намъ* (НГБ № 509, 50–70-е гг XII в)
(7) | | *соужьдалѣць ходоутиничѣ възьми довѣ гривнѣ на намъ* (Свинцовая грамота № 1, XI/XII в)

До настоящего времени зафиксировано лишь одно производное от *намъ* – относительное прилагательное *намыньи*

- (8) | | *оу болна възьми шестѣ коунъ намыною* (НГБ № 509, 50–70-е гг XII в)

Следует отметить, что *намъ* (как это часто бывает при выражении взаимных отношений) может обозначать и то, что должен взявший займы (как в примере 2), и то, что дано кредитором (как в примерах 3, 6, 8) Вследствие этого из-за недостаточ-

¹ Значение слова *намъ* в берестяных грамотах не было установлено сразу из за одного упущения в критике текста Ввиду того, что в то время (1908) это был нарах А С Павлов, издатель “Вопросов Кирика” в серии “Памятники древнерусского канонического права” к сожалению выбрал неверное разночтение *наимъ* (по аналогии с *наемъ*?) в ущерб правильному чтению *намъ* (восстановленному в цитате 1 в соответствии с чтением другой рукописи, приведенным у А А Зализняка) В результате до обнаружения в берестяных грамотах слово *намъ* игнорировалось всеми словарями (его первое упоминание появилось лишь в 1983 г в Словаре русского языка XI–XVII вв ‘ [Сл XI–XVII, 10 142], где, однако, цитата из Вопроша ния Кирика все еще отсутствует)

ности контекста некоторые употребления могут с этой точки зрения оставаться неопределенными

(9) | | *аже то намъ възмле еси навъловъ (а) на прокопъ възати* (НГБ № 736а, 10–30-е гг XII в)

Важно подчеркнуть, что исследуемое слово, сфера использования которого ограничена выражением определенных экономических отношений, столь же ограничено и в диалектном плане, так как *намъ* известен только из документов новгородского происхождения² Тот факт, что новгородский епископ почувствовал необходимость эксплицитного глоссирования слова *намъ* посредством термина *лихва*, являвшегося обычным обозначением ростовщических процентов в русском языке [Кочин 1937: 172], подчеркивает, на наш взгляд, сильную диалектную окрашенность данного слова, вероятно, не употреблявшегося за пределами новгородского ареала Эта диалектная изолированность усугубляется полной формальной изолированностью, поскольку *намъ* не соотносится ни с какой словообразующей основой, известной в древненовгородском или каком бы то ни было другом славянском языке и диалекте

3. ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА *НАМЪ*: БАЛТО-СЛАВЯНСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ?

В то время как слово *намъ* ‘процент’ совершенно изолировано среди славянских языков, предложенное А А Зализняком [1986: 166] сближение с литовским *nioma* ‘наем, аренда, прокат’ и латышским *niõta* ‘то же, налог, оброк’ не вызывает возражений Несмотря на различия в суффиксах в балтийском (*-ã) и славянском (*-o), установление связи между этими словами, кажется, ясно свидетельствует о существовании в славянском и балтийском именной основы **nõm-*, образованной от индоевропейской основы **net-* [IEW 763, LIV 408]

Эта основа, означающая ‘давать, получать на законном основании’ [Benveniste 1931: 79, 1948: 79, 1951: 14–15, 1967b: 508–509, 1969: 82–86], в семантическом отношении является одной из наиболее богатых и сложных, поскольку во всех языках, где она зафиксирована, она подверглась независимому развитию, и даже в пределах каждого отдельного языка формы, образованные от нее, свидетельствуют о значительном семантическом дроблении В греческом, где отмечено наибольшее количество дериватов от этой основы [Laroche 1949, DELG 742–744], представлены, наряду с глаголом *νεμω* ‘присуждать’ (ср *νομίζω*), имя действия на *-*ti* – *νεμεσις* ‘воздаяние, возмездие’ (< *‘присуждение чего-л. законной властью’), имена на *-*o* – *νόμος* ‘закон’ (< *‘присуждение в соответствии с правилами, обычай’) и *νομός* ‘пастбище, местопребывание, область’ (< *‘предоставление территории’) В германских языках [Seebold 1970: 357–359, Lehmann 1986, № 20] глагольная основа гот *niman* ‘брать, получать’ обнаруживается в композите *arbinuntja* ‘наследник’ (*‘тот кто законно получил наследство’) Таким образом, семантическое развитие, отраженное в балтийском и славянском, объясняется без затруднений³ Однако, несмотря на идентичность в историческую эпоху, предполагаемый совместный характер этой инновации для балтийского и славянского отнюдь не очевиден и наталкивается на серьезные трудности

3.1. Балтийский

Наряду с литов *nioma*, лтш *niõta* засвидетельствованы глаголы *niomoti*, лтш *niõmât*, *niõtiõt*, которые несомненно являются деноминативами [Skardžius 1943

² В настоящее время известно 20 фиксации этого термина в 13 берестяных грамотах, из которых древнейшая датируется второй третью XI в а позднейшая – рубежом XIV–XV вв [Зализняк 1995: 637, Янин, Зализняк 2000: 75]

³ См о балтийском [Fraenkel 1955–1966: 512] а сейчас – и о новгородском [ЭССЯ 22: 193]

498, 505] Однако в латышском существует еще и глагол *ņēmt*, прет *ņemi* ‘брать’, который, в основе настоящего времени, находится в том же изначальном отношении к **nem-*, как и греч *νέμω* и гот *niman* Праформа **nōtmā* ‘арендная плата’, которую постулируют для литов *niŏma*, лтш *niõma*, должна, по нашему мнению интерпретироваться как абстрактное существительное с корневым вокализмом **-ō-* (буквально ‘взятие’), восходящим к основе **nēm-* претерита *nēmi*, – так же как, например, литов *slúogas*, лтш *sluõgs* ‘вес’ восходят к литов *slėgti*, *slegiù*, *slegiaù* ‘взвешивать’, лтш *slēgt*, *slēga*, *slegs* или литов *brúožas* ‘линия’ – к литов *brėžti* ‘чертить’ и т п Хотя литов *niŏma*, лтш *niõma* толкуется у Я Эндзелина [Endzelins 1922 § 126, 1971 86, ср Stang 1966 40–41] так же, как у П Скарджюса [Skardžius 1943 44], не следует упускать из виду тот факт, что апофоническое чередование **-ē-* **-ō-*, определяющее отношение между глагольной основой и ее именным дериватом, стало возможным только вследствие продления **-e-* → **-ē-* (характерно для претеритальной основы) и что этот процесс представляет собой инновацию балтийского глагола, поздний характер которой проистекает, помимо прочих обстоятельств, в особенности из того, что она не имеет соответствия в других языках [Stang 1942 112–113, 115, Kuryłowicz 1956 301] Таким образом, литов *niŏma*, лтш *niõma* не могут быть признаны унаследованными образованиями, отражающими предшествующее состояние в истории балтийских языков

Этой констатации достаточно для того, чтобы отделить происхождение литов *niŏma*, лтш *niõma*, с одной стороны, от новг *намъ* – с другой Однако, как это часто бывает в сфере балто-славянских языковых отношений, данное утверждение, хотя и основанное на морфологическом анализе, не представляется убедительным, особенно потому, что оно приводит к выводу о случайности семантической специализации и почти полного формального сходства между балтийским и новгородским образованиями – выводу, который, в свете существенного разнообразия значений у производных от основы **nem-*, кажется, трудно принять

Удобное объяснение могла бы предоставить гипотеза о заимствовании поскольку литов *niŏma*, лтш *niõma* являются в балтийском регулярными образованиями и поскольку *намъ* в славянском изолировано, новгородская форма заимствована из балтийского Эта гипотеза как будто подкрепляется тем фактом, что основа **nōtm-* ‘процент’, каково бы ни было ее происхождение, действительно распространена и за пределами балтийской зоны, о чем свидетельствуют лив *niŏtm* ‘арендная плата’ и эст *niit* ‘то же’ [Thomsen 1890 94, 205] Однако этот сценарий уже был рассмотрен А А Зализняком, который показал его формальную невероятность в очевидных славянских заимствованиях из балтийского балтийский вокализм **ō* → **uo* реализуется либо в виде *u*, либо в виде *o* [Зализняк 1986 166, ЭССЯ, 22 19] Кроме того, если среди языков балтийского ареала примеры заимствования из славянского многочисленны, то случаи заимствования балтийских слов одновременно в славянские и финские языки ограничены всего парой примеров⁴ В целом, даже оставаясь в рамках гипотезы о заимствовании основы **nōtm-*, нельзя не признать, что а priori она была бы если не более вероятна, то по крайней мере менее маловероятна при ином определении направления заимствования, а именно – из славянского в балтийский

3.2. Славянский

С позиции славянских языков объяснение слова *намъ*, как бы мы его ни рассматривали, обречено оставаться в области гипотез Две интерпретации представляются возможными

⁴ Речь идет согласно Ю А Лаучюте [1982], о литов *káušas*, лтш *kaùss* ‘ковш’ и о литов *šeškas*, лтш *seskis* ‘хорек’

Первая интерпретация заключается в том, чтобы видеть в *намъ* отглагольное образование от фактитива на $*-\delta-$ по модели, продуктивной в славянских языках, типа ст-слав *сѣсти* → *сидити* → *сидѣ*, *рѣзати* → *разити* → *разѣ* и т.п. [Vaillant 1974 165 и след.] Данная гипотеза, предполагающая наличие глагола $*namiti$, могла бы быть поддержана параллельным существованием индоиранского фактитива $*nāmaya-$ (авест *nāmaia-*, вед *nāmayati* [Kellens 1984 143, 146, № 19]) Однако эта параллель становится крайне сомнительной в свете семантики глаголов, восходящих к $*nem-$, которые в индоиранском выражают следующие значения: вед *nāmati* – ‘сгибать, бить’, *nāmate* – ‘быть согнутым’ [Goto 1996 193–196], авест *nama-* ‘сгибать, оказывать почтение, идти’ (откуда $*nāmaya-$ ‘каузировать идти, вести’) Эти значения кажутся настолько различными, что большинство авторов (в частности, недавно [LIV 408]) реконструируют индоевропейский корень $*nem-$ ‘склоняться’, омофоничный $*nem-$ ‘присуждать’. Напротив, Э Бенвенист [Benveniste 1967b 321] считал несомненной связь между индоиранскими образованиями и греч. *νέμω*, гот *niman*. Как бы то ни было, тот факт, что в славянском семантика слова *намъ* предполагает глагольную основу, означающую ‘присуждать’, а не ‘быть согнутым’, делает эти сближения затруднительными, хотя и не устраняет их совершенно⁵.

Второе объяснение заключается в том, чтобы усматривать в *намъ* образование от имперфективного глагола. В соответствии со структурой индоевропейского словообразования, четко представленной в греческом, от презенса на $-e/o-$ с корневым вокализмом $*-e-$ образовывался “итератив” на $-y^e/o-$ с корневым вокализмом $*-o-$, от которого в свою очередь образуется другой “итератив” с продленным вокализмом корня $*-\delta-$ и суффиксом $-\bar{a}-y^e/o-$ [Kuryłowicz 1956 303–305, 1968 289–290] (материал см. [Schwyzer 1938 718, Risch 1974 320])

(10)

$*\sqrt{-e-} + -e/o-$	$*\sqrt{-o-} + -e-y^e/o-$	$*\sqrt{-\delta-} + -\bar{a}-y^e/o-$
летоμα ‘лететь’	ποτεομα	ποταομα
στρεφω поворачивать	στροφω	στροφω
τροπω поворачивать’	τροπεω	τροπω

Этот механизм столь же хорошо засвидетельствован и в славянском (где образования с длительной ступенью всегда префиксальные)

(11)

$*\sqrt{-e-} + -e/o-$	$*\sqrt{-o-} + -e-y^e/o-$	$*\sqrt{-\delta-} + -\bar{a}-y^e/o-$
<i>ženq</i>	<i>goniti</i>	<i>-ganjati</i>
<i>neso</i>	<i>nositi</i>	<i>-našati</i>
<i>lego</i>	<i>ložiti</i>	<i>-lagan</i>

Глаголы, образованные этим способом, могут в свою очередь служить основой для образования суффиксальных имен на $*-o-$ → слав *-й* [Vaillant 1974 § 780]

⁵ Проблема действительно весьма сложна, так как решение в существенной степени зависит от индоиранских данных, которые допускают различные, но равно вероятные семантические интерпретации. Помимо исследования Э Бенвениста (см. выше), см. также [Kellens 1974 179–182, 1983, 1984 115, 215, Humbach 1991, II 175 EWA, II 14–16]. Тем не менее следует заметить, что семантически удобное решение о различии между омофоничными корнями не разъясняет проблему совпадения формальных средств, которое наблюдается между большей частью производных от корня $*nem$.

(12)

глагол * $\sqrt{-o-} + -\bar{a}-y^e|_o-$
-lagati

девербатив * $\sqrt{-\bar{o}-} + o$
*-lagъ (словен *ob-lag*)

Оказывается, что в греческом корень **nem-* действительно вписывается в данную деривационную схему, о чем свидетельствует дериват $\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\omega$ ‘распределять’, который, как показал П Шантрэн [Chantraine 1958 358], в метрическом отношении не может быть выведен из корневого вокализма (ср $\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\varsigma$ Od 12, 218)

(13)

**nem-e|_o*

$\nu\epsilon\mu\omega$ присуждать

**nom-e-y^e|_o-*

* $\nu\omicron\mu\epsilon\omega$

**nom-a- y^e|_o*

$\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\omega$ ‘распределять’

По аналогии с этими словообразовательными структурами можно было бы предположить, что, подобно тому как *-lagi* был образован от *leg-*, *намъ* мог быть образован от славянской глагольной основы **namjati* ‘давать займы, договариваться о займе’ (= греч $\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\omega$), в свою очередь образованной от древней основы **neme-*, соответствовавшей по форме и значению греч $\nu\epsilon\mu\omega$, гот *niman*, лтш *neînt*. Как и предшествующая гипотеза – однако по другой причине – эта гипотеза остается очевидно шаткой, поскольку образование имен от глагольных дериватов на * $\sqrt{-\bar{o}-} + -\bar{a}-y^e|_o-$ не находит подтверждения в греческом, а в самом славянском оно представляется инновацией⁶.

Итак, анализ указанных гипотез приводит к заключению о том, что славянский – в отличие от балтийского – не предоставляет явных возможностей для внутренней реконструкции

4. КОРЕНЬ *NEM- В ИРАНСКОМ

Говоря иными словами, единственное ясное заключение, к которому приводит анализ отношений между новг *намъ*, с одной стороны, и литов *niõta* и лтш *niõta* – с другой, состоит в том, что, как бы ни объяснять эти отношения, они не могут рассматриваться как свидетельство общего наследия в славянском и балтийском

Как же в этих условиях объяснить совпадение – одновременно формальное и семантическое – между балтийским и славянским? Решение, на наш взгляд, предоставляет одно иранское слово, которое до настоящего времени оставалось за рамками этимологических дискуссий. Оно известно лишь в одном примере из Авесты, однако его чтение недвусмысленно. Решающее свидетельство находится в четвертом фрагменте “Видевдата”, где обсуждаются договорные отношения между лицами

(14) *yō naire n̄māgh̄ante nōit n̄mō paiti baraiti tāuuš n̄māgh̄ō bauuaiti hazāgh̄a n̄mō barahe* (V 4, 1)

‘тот, кто не возвращает ссуду заимодавцу, крадет сумму, взятую в долг, и обкрадывает заимодавца’

Вот пример, который полностью меняет соотношение между балтийским и славянским к соответствию, включающему новг *намъ*, литов *niõta*, лтш *niõta*, теперь следует присоединить авест *n̄mah-* в том же значении

⁶ А Вайан [Vaillant 1974 165 и след.], говоря о девербативах с корневым вокализмом *-a-*, не упоминает о старославянских формах, образованных по этой модели

Парадоксальным, на первый взгляд, может показаться то обстоятельство, что *nəmah-* является в авестийском столь же уникальным образованием, как *namь* в славянском. Это слово имеет значение 'суда' только в процитированном выше примере, во всех остальных случаях форма *nəmah-* обозначает 'приношение', эта семантика обнаруживается также в ведийском у эквивалентной формы *nāmas-*, которая, однако, не имеет других значений [Grassmann 1996 711–712]. Словарь Бартоломе [Bartholomae 1904 1069–1070] закрепляет это семантическое различие, вводя для авестийского две разные леммы ¹*nəmah-* 'приношение' и ²*nəmah-* 'суда'⁷. Кажется, однако, вероятным, что две лексические единицы, столь различные в историческую эпоху, стали различаться лишь в индоиранский период и что допустимо реконструировать *neutrum* **nāmas-*, который сохранял первоначальную семантику **net-*, реализовавшуюся, с одной стороны, в значении '(ритуальное) присуждение чего-л →) 'приношение', с другой стороны – в значении '(договорное) присуждение чего-л →) 'суда'⁸. Напротив, соотношение **nāmas-* 'присуждение (по закону, по обычаю)' с индоиранскими глагольными основами, образованными от корня **net-* (3.2), установить не удастся⁹. Анализ авестийского *neutrum*, так же как и славянский *namь*, не предоставляет, таким образом, возможности для внутренней реконструкции.

5. ФОРМАЛЬНОЕ СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СЛАВЯНСКИМ И ИРАНСКИМ

Морфологическую изолированность авест. *nəmah-* менее сложно объяснить, чем изолированность новг. *namь*, поскольку *neutra* на **-e/ɔs-* вообще часто лишены связей с глагольными основами [Debrunner 1954. 219 и след.]. Тем не менее установление авестийской параллели вводит в сравнение со славянским существенные новые данные. В славянском категория существительных среднего рода на **-e/ɔs-* представлена образованиями от унаследованных форм (ст.-слав. *нево*, *невесє* и др.) наряду с более многочисленными новыми формами, в которых аффикс **-e/ɔs-* распространяется на чисто славянские образования (ст.-слав. *тѣло* и др. [Бернштейн 1970]). Однако, наблюдая за судьбой старых сигматических *neutra*, не сохранившихся в этом виде в славянском и замененных инновационными образованиями, можно заметить, что их адаптация нередко состоит в замене первичного аффикса **-e/ɔs-* аффиксами жен. рода **-ā-* или муж. рода **-o-*, причем **-ō-* заменяется на *-e-*, изначально характерное для корневого вокализма

(15)

	$*\sqrt{-e-} + -e/ɔs-$	$*\sqrt{-ō-} + -ā \sim -o$
а <i>*kl ew</i> 'слышать'	→ ст.-слав. <i>слово</i>	ст.-слав. <i>слава</i> ,
	греч. <i>κλέος</i> 'слава'	-славь (в композитах)
	вед. <i>śravas-</i> 'глас'	
	авест. <i>sravah-</i> 'речь' ^(а)	
	тох. В <i>-kalywe</i> 'слава'	

⁷ По мнению К. Гофмана (Hoffmann), на которое ссылается Ж. Келленс [Kellens 1974 182] форму *nətoi* (Y 46,1) можно было понять как дат. пад. ед. ч. от имени-корня *nam* 'вотчина' соответствующего *neutrum* *nəmah-* 'суда', другие интерпретации см. [Benveniste 1967b 509; Humbach 1991. II 175]; Келленс [Kellens 1983] рассматривает это слово как совершенно неясное (см. также [Kellens, Pirart 1991 201]). Ранее Келленс [Kellens 1974 182, № 1] считал столь же допустимым интерпретировать собственные имена *nətō varhu* (*nətō varhəuš* Yt 13 109) и *vo hu nəmah-* (*vohu nəmahə* Yt 13, 104, 114, 115) как 'тот, кто получил часть имущества'

⁸ См. в этом смысле (хотя и с некоторыми отличиями) уже интерпретацию К. Гофмана, принятую М. Майрхофером [KEWA, III 743].

⁹ За исключением *nəmah-* 'давать суда', которое является деноминативом от *nəmah* 'суда' [Kellens 1984 15, 131]. Вопрос о возможном соотношении между **nāmas-* 'присуждение' с санскр. *nam-* 'сгибать', авест. *nam-* 'идти' и авест. *nam-* 'бить' остается нерешенным.

в *g^{hw}er- быть жарким'

→ греч θερος 'лето'

вед *haras* 'жара'

арм *Jer* 'т ж' ^(b)

прасл *gaga

'жжение' ^(c)

(русск *изгaga*

польск *zgaga*

ст -чеш *zhaha*,

словен *zgāga*)

ст -слав *сaaъ* ^(d)

с *sed- 'сидеть'

→ греч εδος 'сиденье'

вед *sādas* 'т ж'

^(a) Также 'слава' в иранском [Benveniste 1967a 199]

^(b) Вторичная основа на -o- [Hubschmann 1897 486]

^(c) См ЭССЯ, 9 27, относительно именных форм, образованных от глагольных основ с начальным палатальным ž-, см [Vaillant 1974 169–170]

^(d) Может быть также интерпретировано (см 3 2) как дериват от фактитива *saditi*

Промежуточные стадии, которые предполагает эта эволюция, менее ясны, однако его формальные признаки позволяют усматривать в соотношении авест *nəmah*- и новг *namъ* проявление формального и семантического соответствия, аналогичного соответствию между вед *neutrum sravas-* 'слава', авест *sravah-* 'речь, слава', с одной стороны, и ст -слав дериватом *слава*, -*славъ* – с другой

(16)

	*√-e- + -e/σ-	*√-ō- + -ā ~ -o
*nem-	→ авест <i>nəmah-</i> 'ссуда'	новг <i>namъ</i>
'присуждать'	вед <i>nāmas-</i>	'процент'
	'приношение'	

Условия, в которых сформировалось это соответствие, как представляется, подтверждают, что соотношение между славянским и балтийским (литов *niūta*, лтш *niūta*), для которого не обнаруживается никакого механизма, сопоставимого с ирано-славянским соответствием, восходит к праисторическому заимствованию из славянского – что, впрочем, позволяло предполагать уже распространение этого слова в финских языках (3 1)

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вскрытое нами соответствие вносит дополнительное свидетельство в уже значительный список специфических соответствий между иранским и славянским¹⁰ В классической работе, посвященной исследованию славяно-иранских отношений, Э Бенвенист [Benveniste 1967a] подчеркнул неизменно уникальный характер проблем, возникающих в связи с этими соответствиями Однако различие условий наблюдения не должно заслонять от нас единства выявленных данных Особенно важно констатировать, что лингвистические условия, предполагаемые соответствием авест *nəmah*- и новг *namъ*, совпадают с уже засвидетельствованными фактами настолько, чтобы с полным основанием говорить об определенном типе соответствия между славянским и иранским

– в словообразовательном плане соответствия базируются на именных образованиях, непроеизводных от глагольных основ, типа ст -слав *сваътъ* – авест *spənta-*, ст -слав *срамъ* – авест *fšarənta-*, ст -слав *ради* – ст -перс *rādiy*, ст -слав *вогъ* – авест *baga-* и т. п.,

– в диалектном (хронологическом) плане семантическое соответствие релевантно только для славянского и иранского, но не для индийского, даже если существует

¹⁰ См [Meillet 1908–1922 127–128, 1926, 1934 506–509, Benveniste 1935, 1967a, Зализняк 1962] Кроме того, вероятным заимствованием является слав *къ* на фоне согд *ku* 'к' [Benveniste 1956]

формальное индо-иранское соответствие, как например в случае с вед *svāntá-*, формально родственным авестийскому *spənta-*, но зафиксированным только два раза (RgV 1, 145, 4c; 10, 61, 21b), причем в неясном значении (см [EVP, 12 77, 16 139]), или с вед *bhága-* '(бог) богатства' vs авест *baga-* 'удача, бог'

Примечательно, что древненовгородский диалект единственным в славянском ареале сохранил следы специфического совпадения между славянским и иранским, заключающегося в сохранении индоевропейского наследия. Эта консервация архаичной черты соответствует архаичности языковых структур берестяных грамот, которая, таким образом, находит подтверждение и в лексическом плане¹¹

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернштейн 1970 – С Б Бернштейн Следы консонантных основ в славянских языках (следы основ на *-s-) // ВЯ 1970 № 3
- Зализняк 1962 – А А Зализняк Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания М, 1962 Вып 6
- Зализняк 1986 – А А Зализняк Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В Л, Зализняк А А Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг) Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг) М, 1986
- Зализняк 1988 – А А Зализняк Новгородские берестяные грамоты и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание X Международный съезд славистов Докл сов делегации М, 1988
- Зализняк 1995 – А А Зализняк Древненовгородский диалект М, 1995
- Кочин 1937 – Г Е Кочин Материалы для терминологического словаря Древней России М, 1937
- Крысько 1993 – В Б Крысько Общеславянские и древненовгородские формы Nom Sg Masc *о-склонения // R Ling V 17 № 2
- Лаучюте 1982 – Ю А Лаучюте Словарь балтизмов в славянских языках Л, 1982
- НГБ – Новгородские грамоты на бересте // Зализняк А А Древненовгородский диалект М, 1995
- Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв М, 1975–
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд М, 1974–
- Янин, Зализняк 2000 – В Л Янин, А А Зализняк Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг) Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование М, 2000
- Bartholomae 1904 – С Bartholomae Altiranisches Wörterbuch Strassburg, 1904
- Benveniste 1931 – Е Benveniste Trois étymologies latines [*aprilis, dēns, nemus*] // BSL 1931 32 (1)
- Benveniste 1935 – Е Benveniste Une correspondance irano-slave // MSL 1935 23 (6)
- Benveniste 1948 – Е Benveniste Noms d'agent et noms d'action en indo-européen Paris 1948
- Benveniste 1951 – Е Benveniste Don et échange dans le vocabulaire indo-européen // L'année sociologique 1951 V 3 № 2
- Benveniste 1956 – Е Benveniste Une corrélation slavo-iranienne // Festschrift für Max Vasmer zum 70 Geburtstag am 28 Februar 1956 Wiesbaden, 1956
- Benveniste 1967a – Е Benveniste Les relations lexicales slavo-iraniennes // To honor Roman Jakobson Essays on the occasion of his Seventieth birthday, 11 October 1966 The Hague; Paris 1967
- Benveniste 1967b – Е Benveniste Le verbe iranien *nam-* en sogdien // Bulletin of the School of Oriental and African studies 1967 V 30
- Benveniste 1969 – Е Benveniste Le vocabulaire des institutions indo-européennes I Economie, parenté, société Paris, 1969
- Chantraine 1958 – Р Chantraine Grammaire homérique I Phonétique et morphologie Paris, 1958

¹¹ Первоначальная версия этой статьи была просмотрена Ж. Келленсом и В. Б. Крысько, высказавшими ряд замечаний. Разумеется, автор несет всю ответственность за сохраняющиеся неточности и неясности. В нынешнем виде статья представляет собой отчасти измененную версию работы [Pati 2001]

- Debrunner 1954 – *A Debrunner* Altindische Grammatik II/2 Die Nominalsuffixe Göttingen, 1954
- DELG – *P Chantraine* Dictionnaire etymologique de la langue grecque, histoire des mots Paris, 1968–1980
- Endzelins 1922 – *J Endzelins* Lettische Grammatik Heidelberg, 1922
- Endzelins 1971 – *J Endzelins* Comparative phonology and morphology of the Baltic languages / Transl by W R Schmalstieg and B Jēgers The Hague, Paris, 1971
- EVP – *L Renou* Études védiques et pāninéennes I–XVII Paris, 1955–1969
- EWAI – *M Mayrhofer* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen Heidelberg, 1986–2000
- Fraenkel 1955–1966 – *E Fraenkel* Litauisches etymologisches Wörterbuch Heidelberg Göttingen, 1955–1966
- Gluskina 1966 – *S Gluskina* O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach po Inocno-zachodnich // *Slavia orientalis* 1966 15
- Gotō 1996 – *T Gotō* Die “I Prasensklasse” im Vedischen Untersuchung der vollstufigen thematischen Wurzelpräsentia Wien, 1996
- Grassmann 1996 – *H Grassmann* Wörterbuch zum Rig-Veda 6 überarb und ergänz Aufl von M Kozianka Wiesbaden, 1996
- Hubschmann 1897 – *H Hubschmann* Armenische Grammatik I Armenische Etymologie Leipzig, 1897
- Humbach 1991 – *H Humbach* The Gathas of Zarathushtra and the other Old Avestan texts I–II Heidelberg, 1991
- IEW – *J Pokorny* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch Bern, München, 1948–1957
- Kellens 1974 – *J Kellens* Les noms racines de l’Avesta Wiesbaden 1974
- Kellens 1983 – *J Kellens* Yasna 46, 1 et un aspect de l’idéologie politique iranienne // *Studia Iranica* 1983 V 12 № 2
- Kellens 1984 – *J Kellens* Le verbe avestique Wiesbaden, 1984
- Kellens Pirart 1991 – *J Kellens E Pirart* Les textes vieil-avestiques III Commentaire Wiesbaden, 1991
- KEWA – *M Mayrhofer* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen I–III Heidelberg, 1951–1976
- Kuryłowicz 1956 – *J Kuryłowicz* L’apophonie en indo-européen Wrocław, 1956
- Kuryłowicz 1968 – *J Kuryłowicz* Indogermanische Grammatik Bd II Akzent, Ablaut Heidelberg, 1968
- Laroche 1949 – *E Laroche* Histoire de la racine *nem-* en grec ancien, νεμω, νόμος, νομιζω, νεμεσις Paris, 1949
- Lehmann 1986 – *W P Lehmann* A Gothic etymological dictionary Leiden, 1986
- LIV – *H Rix et al* Lexikon der indogermanischen Verben Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen Wiesbaden, 1998
- Meillet 1902–1905 – *A Meillet* Etudes sur l’etymologie et le vocabulaire du vieux slave Paris, 1902–1905
- Meillet 1908–1922 – *A Meillet* Les dialectes indo-europeens Paris, 1908–1922
- Meillet 1926 – *A Meillet* Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien // *RES* 1926 T 6 Fasc 1
- Meillet 1934 – *A Meillet* Le slave commun Paris, 1934
- Patri 2001 – *S Patri* Une correspondance irano-slave en novgorodien // *Historische Sprachforschung* 2001 Bd 114 № 2
- Patri (в печати–1) – *S Patri* Une nouvelle isoglosse en slave commun
- Patri (в печати–2) – *S Patri* Les innovations de la flexion novgorodienne
- Risch 1974 – *E Risch* Wortbildung der homerischen Sprache Berlin, New York, 1974
- Schwyzler 1934–1939 – *E Schwyzler* Griechische Grammatik I Allgemeiner Teil Lautlehre Wortbildung Flexion München 1934–1939
- Seebold 1970 – *E Seebold* Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben The Hague, Paris, 1970
- Skardžius 1943 – *P Skardžius* Lietuvių kalbos žodžių daryba Vilnius, 1943
- Stang 1942 – *C S Stang* Das slavische und baltische Verbum Oslo, 1942
- Stang 1966 – *C S Stang* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen Oslo, Bergen, Tromsø, 1966
- Thomsen 1890 – *V Thomsen* Berøringar mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettske) sprog En sproghistorisk undersøgelse København, 1890
- Vaillant 1974 – *A Vaillant* Grammaire comparée des langues slaves IV La formation des noms Paris, 1974
- Vermeer 1994 – *W Vermeer* On explaining why the Early North Russian nominative singular in *-e* does not palatalize stem-final velars // *RLing* 1994 V 18

Перевел с французского В Б Крысько